

20. **Пушкарева Н. Л.** Гендерная лингвистика и исторические науки / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 31–40.

Надійшла до редколегії 24.01.11

УДК 811.161.1'42

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВКИ ПИСЬМА КАК ПОСЛАНИЯ И ДОКУМЕНТА

Розглянуто проблему визначення листа як послання, поставлено питання щодо виділення диференціальних ознак епістолярного тексту. Названо основні формальні параметри, які маркують лист як документ.

Ключові слова: лист, послання, епістола, епістолярний текст, листування.

Рассмотрена проблема определения письма как послания, поставлен вопрос о выделении дифференциальных признаков эпистолярного текста. Названы основные формальные параметры, маркирующие письмо как документ.

Ключевые слова: письмо, послание, эпистола, эпистолярный текст, переписка.

The problem of determination of letter as message is considered, a question about extraction of differential features of epistolary text is put. Basic formal parameters, marking a letter as document, are adopted.

Key words: letter, message, epistola, epistolary text, correspondence.

Письмо как средство коммуникации существует, по-видимому, практически столько же, сколько существует письменность, а значит, и письменная форма общения людей. Переписка между людьми возникала в самых разных культурах, и древнейшие письма, по мнению историка В. А. Сметанина, могли быть написаны ещё 2400–2200 лет до н. э. Из самых же ранних сохранившихся и дошедших до нас писем античности известны письма Исократу, Платону, Аристотелю [27, с. 7]. Нужно отметить, что ещё в античности начала складываться и теория эпистолярного стиля, были выделены типы писем, давались рекомендации по их написанию [1]. Так, древнегреческий ритор и философ Деметрий определял письмо как «сжатое выражение дружеского расположения и рассказ о простых вещах простыми словами» [10, с. 274]. Апеллируя к авторитету Аристотеля, Деметрий полагал, что письма отличаются от других текстов прежде всего своей тематикой: ни софизмы, например, ни рассуждения о природе не могут быть предметом письма. В отношении писем Деметрий как раз и использовал термин «эпистолярный стиль», указывая, что он существует в двух разновидностях: изящный и простой, – а выбор между ними следует осуществлять в зависимости от того, какому именно лицу письмо обращено. В античную эпоху было отмечено и то, что письмо сопоставимо с репликой диалога, поэтому обычно рекомендовалось писать письма тем же слогом, что и диалоги. Отчасти соглашаясь с этой мыслью, Деметрий подчёркивает, что письмо составляется заранее и поэтому требует более тщательной отделки, чем диалог [10, с. 273]. Древнегреческие теоретики стиля отметили ещё один признак, который, по их мнению, отличает собственно письмо от других видов письменной речи, – его свойство отражать и запечатлеть характер пишущего.

В средние века, насколько нам известно, сколько-нибудь масштабных исследований эпистолярики не велось, теология и алхимия поглощали всё, что только можно было привлечь в науку. Традиция соблюдения целого ряда требований к оформлению и стилю писем передавалась через письмовники – сборники посланий, содержавшие образцы литературно украшенных писем разного содержания, а также формулы вежливости, необходимые для написания частных и деловых писем [11]. Древнерусские письмовники регламентировали преимущественно сферу деловой переписки; с XVIII века появляются также руководства по написанию частных писем, самым известным из которых стал «Письмовник» Н. Г. Курганова, выдержавший с 1769 по 1837 год одиннадцать изданий и включавший, помимо образцов писем, сведения по русской грамматике, а также исторические и бытовые анекдоты, собранные под названием «Краткие замысловатые повести» [5, с. 25]. Письмовники сохраняли популярность в XIX и даже в начале XX века, поскольку они способствовали распространению этикетных и этических норм, «ненавязчиво советовали, как придать надлежащую форму своим эмоциям и выразить их в принятой для культуры форме» [3, с. 78].

И только в XX веке возобновляется научный интерес к теории и практике письма. Изучение писем сначала осуществляется в русле риторики, затем продолжается в связи с развитием теории стиля и жанра в литературоведении [6]. Ю. Н. Тынянов показал, что в течение XVIII века письмо из бытового документа стало литературным фактом [32], и отметил огромное значение эпистолярной литературы XIX века в литературной эволюции. В литературоведческих изысканиях Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского и других учёных переписка известных литераторов неоднократно привлекалась в качестве материала исследования, позволяющего установить биографические и литературные связи русских поэтов и писателей.

В настоящее время существует обширная библиография научных работ, посвящённых письмам самого разнообразного ареала, времени и характера: древних египтян, вавилонян, ассирийцев, письмам античного мира, средневековья и Нового времени [27, с. 13–21]. Опубликовано многие тома писем выдающихся деятелей культуры, политиков, учёных, что сделало доступным для изучения большой корпус текстов данного типа. В научный обиход вошёл термин «эпистолюграфия», который филологами трактуется как «литература писем», а историками используется как название специальной дисциплины, изучающей письма в качестве исторического источника. Письма рассматриваются в разных аспектах: филологи исследуют их, главным образом, как литературный жанр [21], историки – как документ определённой эпохи и источник сведений о ней [1]. Обсуждаются также вопросы воспроизведения эпистолярных текстов в печати, их комментирования, датировки, сохранения и передачи особенностей языка автора [20]. В последние десятилетия письма стали предметом исследования лингвистов, которые рассматривают на материале эпистолярных текстов функционирование фразеологизмов [33], семантико-синтаксические категории речи [31], проблемы билингвизма [7], анализируют структуру и единицы эпистолярного текста [18], коммуникативные стратегии русского письма [17], жанровые разновидности эпистолярных текстов [30]; письма исследуются в аспекте исторической стилистики [12; 23], теории речевого общения [14].

И одной из наиболее актуальных проблем для специалистов, которые занимаются изданием эпистолярного наследия деятелей культуры, является проблема отбора текстов, которые должны быть квалифицированы как письма. Анализируя эпистолярное наследие, многие учёные, и в частности Л. Н. Смирнова, отмечают, что даже в академических изданиях нередко тома писем поглощают самые разные

документы и материалы, зачастую не подходящие под определение эпистолярного жанра, такие, например, как обращения к издателям, письма в редакцию, разного рода прошения, деловые распоряжения и т. п. [20, с. 239–240], а литературовед Е. И. Прохоров, много занимавшийся подготовкой к публикации художественных произведений и других текстов, принадлежащих писателям, обращает внимание на то, что не всегда возможно установить чёткую границу между письмом в стихах и дружеским посланием как жанром лирической поэзии, а также между письмом и официальным документом. Отмечает учёный и тот факт, что письмо, в котором писатель анализирует явления современной ему литературы, давая оценки сюжету, композиции, стилю, нередко воспринимается как критическая статья, поэтому вопрос о границах жанра эпистолярного, по его мнению, остаётся открытым, и в издательской практике иногда бывает чрезвычайно трудно определить, где следует печатать тот или иной документ, даже если он имеет все формальные элементы письма: указание адресата, места написания, даты, обращение и т. п. – среди художественных произведений, критических статей или в томах писем [20, с. 17].

Не случайно одной из актуальных задач лингвистики в этом плане всё ещё остаётся определение самого понятия *письмо*, формирование дифференциальных признаков, которые позволят квалифицировать заданные документы как принадлежащие или не принадлежащие к разряду эпистолярных текстов. Дефиниции письма есть, но они, как правило, не раскрывают сущности определяемого понятия. Ряд толковых словарей современного русского языка вводят слово *письмо* как многозначное, причём в качестве первого, базового номинативного значения даётся определение письма как системы графических знаков для передачи информации, и только какие-то последующие значения этого слова связываются с письмом как посланием. Так, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» мы читаем: «**Письмо** – ... 4. Текст, посылаемый, передаваемый кому-либо с целью сообщения о чём-либо, изложения своих мыслей, выражения своих чувств. ◇ Директивное, инструктивное, циркулярное и т. п. письмо. ◇ Роман, повесть и т. п. в письмах. ◇ Возмутительное, прелестное письмо. || Соответствующее почтовое отправление. 5. Официальный документ (преимущественно денежный); письменное долговое обязательство» [26, с. 1246–1247]. Кстати, «Словарь русского языка» в 4-х томах объединяет эти значения в одном лексико-семантическом варианте, выделяя письмо как официальный документ лишь в качестве оттенка значения: «**Письмо** – ...3. Бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление. || Сам такой текст. || Официальный, обычно денежный документ» [25, с. 127]. Дефиниция украинского эквивалента лексемы *письмо* – слова *лист* – в «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» фиксирует в качестве смыслового оттенка «письменное обращение к лицу или лицам, рассчитанное на широкое распространение», что указывает на возможность обращаться с помощью письма ко множеству адресатов, изначальную ориентированность автора письма на его опубликование: «**Лист** – ...2. Писаний текст, призначений для повідомлення про що-небудь, для спілкування з кимсь на відстані, а також відповідна поштова кореспонденція. || Писане звертання до особи чи осіб, розраховане на широке розповсюдження. 3. Офіційний, грошовий або інший документ. || Документ для записування яких-небудь відомостей» [9, с. 615]. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение слова *письмо* как послания ставит на первое место и объясняет это слово следующим образом: «1. Написанный текст, посылаемый для сообщения чего-н. кому-н.» [17, с. 519]. Большая Советская Энциклопедия фик-

сирует лишь одно значение слова *письмо*: «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять её во времени» [8, с. 517].

Ни один признак, названный в приведённых дефинициях, не может чётко обозначить, что такое письмо, и противопоставить собственно письмо другим видам письменных документов. Если речь идёт о почтовом отправлении, то письмом можно назвать и конверт, содержащий не текст, а, скажем, рисунок или фотографию. Носителем текста не обязательно является бумага: ранее в этом качестве использовались различные материалы от папируса и бересты до пергамента, а в настоящее время корреспондентам всё чаще приходится иметь дело с электронными средствами передачи информации. Снять многозначность слова *письмо* в этом отношении отчасти позволило бы использование термина *эпистолярный текст*. Тогда нужно выяснять, чем эпистолярный текст отличается от неэпистолярного, что не менее проблематично, чем поиск дифференциальных признаков для собственно письма. В дефиниции, данной в «Словаре современного русского литературного языка», в качестве различительного признака письма названа коммуникативная цель: сообщение о чём-либо, изложение своих мыслей, выражение своих чувств, – однако всё это содержится в самых разных видах текстов: газетных статьях, дневниках, мемуарах и т. д. Признак «написанный» применительно к тексту письма тоже нерелевантен: текст не обязательно бывает написан, есть и так называемое звуковое письмо; а если говорить о написании как процессе создания текста, то письмо может быть и копией, воспроизведением чужого текста. Посылать можно не только письма, но и документы, научные статьи, художественные тексты; с другой стороны, неотправленное письмо всё же остаётся письмом.

Словари лингвистических терминов, как и словари энциклопедические [28, с. 1003], дают только одно толкование термина «письмо», интерпретируя его как знаковую систему фиксации речи, позволяющую передавать сообщение на расстоянии и закреплять её во времени [см., напр.: 4, с. 323; 22, с. 207; 24, с. 205; 16, с. 375; 29, с. 87], и тем самым не берут на себя ответственность за определение письма как документа. Возникает парадоксальная ситуация: в лингвистической литературе дискутируется вопрос о том, какой термин более корректен в отношении писем: эпистолярный стиль, эпистолярный жанр, эпистолярная форма или эпистолярная манера и т. д., – при этом так и не определён сам предмет обсуждения и не маркирован соответствующий термин.

Более развёрнутые, но тоже весьма разнообразные, а зачастую и противоречивые дефиниции письма встречаются в специальной литературе, и такая неоднозначность трактовки понятия *письмо* обусловлена не только разными методологическими установками исследователей, но и жанрово-стилистической неоднородностью самих эпистолярных текстов. Е. И. Прохоров, в частности, указывая на то, что понятие *письмо* действительно не имеет точно и строго очерченных жанровых рамок, говорит об узком и широком понимании данного термина. Письмо в широком смысле может быть и литературно-художественным, и критико-публицистическим произведением, и деловым документом. Письмо в узком смысле слова – это документ частного письменного общения лиц. Ограничивая предмет рассмотрения последним типом текстов, Е. И. Прохоров определяет письма как «письменные личные обращения автора к отдельным лицам или коллективам лиц, с обычным присутствием типично эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и т. п.), и предполагающие необходимость ответа (или сами являющиеся ответом)» и отмечает, что письмо «пишется обычно в свободной форме, в нем могут обсуждаться как личные, так и общественные вопросы, но оно не рассчитывается на опубликование или ознакомление с ним иных лиц, кроме

тех, кому оно адресовано» [20, с. 19]. Далее учёный делает оговорку, что названные им признаки не всегда присутствуют в каждом письме: немало писем писалось без обращений, без дат или без подписей; письма, адресованные одному человеку, читал гораздо больший круг лиц; личные письма попадали в печать даже при жизни автора и т. п. Всё это он рассматривает лишь как исключения из общего правила. Однако число таких текстов слишком велико, чтобы считать их исключением, да и провести чёткую границу между частным письмом и другими видами эпистолярных текстов едва ли возможно. Было замечено, в частности, что ещё в античную эпоху письма Платона давали образцы автобиографического рассказа [2, с. 32]; «Письма к Луцилию» Сенеки представляли собой небольшие философско-литературные этюды на различные этические темы [2, с. 81]; письма Плиния Младшего к друзьям отчасти напоминают дневник впечатлений, отчасти посвящены вопросам современной ему литературы, риторики, литературной критики [2, с. 116–122].

Наряду с реальными письмами в поздней греческой прозе появляются фиктивные письма – по сути, эпистолярная беллетристика, однако каноны жанра и риторические требования к письмам соблюдены в них столь строго, что фиктивность их установлена лишь в результате кропотливых исследований содержания, лексики и стиля, выполненных в XIX и XX вв. [2, с. 162–163]. В Древней Греции возникает эпистолярная дидактика и псевдоисторическая эпистолярная литература. Несмотря на то, что письма Сенеки или Плиния Младшего подлинные, сами авторы объединяли их в сборники и подвергали литературной обработке с намерением опубликовать. Исследователь византийской литературы Т. В. Попова пишет, что большинство эпистолярных сочинений этого времени – письма вполне реальных людей, написанные по тому или иному конкретному поводу, тем не менее «ознакомиться с такими письмами предстояло довольно широкому кругу людей, и потому их писали как художественное произведение, соблюдая определенные правила, или законы эпистолярного жанра» [19, с. 181–182]. Универсальность эпистолярной формы, которая давала возможность вложить в неё практически любое содержание, сделала письма тем видом документов, который дал начало самым разным жанрам и видам текстов: от мемуаров и дневников до художественной прозы.

Изначально существовавшая связь между письмом как разновидностью текста и письменностью отражается во взаимосвязи лексико-семантических вариантов, объединённых в русском языке лексемой *письмо*. Выясняя сущность письма как системы начертательных знаков, В. А. Истрин подчёркивает, что важнейшая особенность письменной речи состоит в том, что эта форма коммуникации генетически возникает как дополнительное к звуковой речи средство общения, служащее сначала преимущественно для передачи речи на большие расстояния и для закрепления ее во времени [13, с. 25]. Письмо как вид текста также обеспечивает передачу информации во времени и пространстве: обычно к письмам обращаются в том случае, если коммуниканты разделены расстоянием, исключающим возможность непосредственного общения. В форме письма как послания и как документа речь закрепляется и во времени, когда письмо является официальным документом и фиксирует состояние дел в определённый отрезок времени, а также в тех случаях, когда письмо создаётся в расчёте на то, что оно будет прочитано адресатом позднее.

В рамках одной статьи, естественно, невозможно осветить все проблемы, связанные с эпистолярикой или даже только с одним её аспектом – маркировкой некоторого письменного документа как письма, как эпистолы. Но сам факт отсутствия такой маркировки, отсутствия системы дифференциальных признаков для

самого распространённого вида письменного речевого творчества человека, конечно же, налицо. И если такое понятие, как письменная речь, лингвистами терминологизировано, должны быть, по-видимому, терминологически как-то обозначены и основные виды такой речи, тем более самый, как только что отмечено, распространённый из них – собственно письмо как послание и документ. Пути решения этой проблемы могут быть самыми разными. Но любой из них, как это нам представляется, должен опираться на те или иные формальные параметры эпистолы, к каковым можно, по всей вероятности, отнести:

- индекс времени и места написания письма,
- обращение к адресату,
- этикетную формулу завершения послания,
- данные об адресанте и его подпись в том или ином виде,
- постскрипtum.

Разумеется, любой из указанных параметров и даже все они вместе в каком-то конкретном письме в силу определённых причин могут отсутствовать (это предмет специального исследования). Все эти параметры взаимно обусловлены и зависят от коммуникативного задания текста письма, но в комплексе они детерминируют именно письмо. И если какому-то документу поставлен в соответствие или может быть без нарушения его коммуникативной сущности поставлен в соответствие (хотя бы теоретически) весь комплекс указанных пяти параметров, этот документ, безусловно, является письмом.

Так, в качестве письма можно квалифицировать, скажем, записку, переданную одним студентом другому во время лекций. Она не исключает чего-либо наподобие *аудитория 1209, 13.00; Танюша!; Твой В.*; а также что-нибудь вроде: *Да, забыл сказать, что...* А вот, например, в приказ по университету вряд ли можно включить обращение к какому-то конкретному лицу, и уж заведомо невозможно заключить его словами типа *Ваш покорный слуга* и постскрипtumом. Квалифицировать такой документ и ему подобные в качестве писем не следует.

Указанные параметры письма могут, естественно, быть конкретизированы и дополнены в их сочетаемостных возможностях, но в качестве основных дифференциальных признаков они вполне адекватны.

Библиографические ссылки

1. **Аверинцев С. С.** Введение. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М. : Наука, 1981. – С. 3–14.
2. **Античная эпистография** : Очерки. – М. : Наука, 1967. – 286 с.
3. **Артемьева Т. В.** Утешительные письма / Т. В. Артемьева // Фигуры Танатоса. Вып. 3: Тема смерти в духовном опыте человечества: матер. I междунар. конф., С.-Петербург, 2–4 ноября 1993 г. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 77–85.
4. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
5. **Баранов С. Ю.** Популярная проза XVIII века / С. Ю. Баранов // Повести разумные и замысловатые : Популярная проза XVIII века. – М. : Современник, 1989. – С. 3–28.
6. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.
7. **Блинохватова В. М.** Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века (на материале писем) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. «Теория языка» / В. М. Блинохватова. – Ставрополь, 2005. – 179 с.
8. **Большая Советская Энциклопедия** (в 30 томах) / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Сов. энцикл., 1975. – Т. 19. – 648 с.
9. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.

10. **Деметрий.** О стиле // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 237–285.
11. **Дёмин А. С.** Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре): автореф. дисс. ... канд. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. С. Дёмин. – Л., 1963.
12. **Зуева О. В.** Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / О. В. Зуева. – Минск, 2009. – 26 с.
13. **Истрин В. А.** Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. – М. : Наука, 1965. – 600 с.
14. **Кабанова Т. Н.** Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. Н. Кабанова. – Челябинск, 2004 – 210 с.
15. **Ковалёва Н. А.** Русское частное письмо XIX века : Коммуникация. Жанр. Речевая структура : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Ковалёва. – М., 2002. – 52 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
17. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
18. **Павлик Н. В.** Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні : автореф. дисс. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. В. Павлик. – Донецьк, 2005 – 20 с.
19. **Попова Т. В.** Византийская эпистолография / Т. В. Попова // Византийская литература / отв. ред. С. С. Аверинцев. – М. : Наука, 1974. – С. 181–230.
20. **Принципы издания эпистолярных текстов:** Вопросы текстологии. – Вып. 3. / отв. ред. В. С. Нечаева. – М. : Наука, 1964. – 308 с.
21. **Рогинская О. О.** Эпистолярный роман : поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / О. О. Рогинская. – М., 2002. – 16 с.
22. **Розенталь Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
23. **Руднева С. Ф.** Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : автореф. дисс. ...канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С. Ф. Руднева. – Сургут, 2010.
24. **Русский язык:** Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
25. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 3. – М., 1984. – 752 с.
26. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17 т. – Т. 9 / ред. колл.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 1482 с.
27. **Сметанин В. А.** Эпистолография: Метод. разработка к спец. семинару для студентов-заочников исторического факультета / В. А. Сметанин. – Свердловск : Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 1970. – 182 с.
28. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 2-е. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 1600 с.
29. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во ГАРККИ, 2003. – 192 с.
30. **Суровцева Е. В.** Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 50-е годы) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Е. В. Суровцева. – М., 2006. – 202 с.
31. **Телеки М. М.** Соціальні категорії модусу в текстах епістолярного жанру : монографія / М. М. Телеки, В. Д. Шинкарук.. – К.–Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. – 172 с.

32. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 255–269.
33. Фесенко О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. П. Фесенко. – Томск, 2009. – 38 с.

Надійшла до редколегії 29.03.11

УДК 811.161.1'367

Н. П. Курмакаева

Донецкий национальный университет

ПОЛЕ БЕЗЛИЧНОСТИ: МОДЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Розглянуто категорію безособовості як польову структуру. Досліджено закономірності заповнення позицій головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності. З'ясовано напрямки розвитку поля безособовості у сучасній російській мові.

Ключові слова: функціонально-граматичне поле, центр, периферія, спеціалізовані / неспеціалізовані репрезентанти.

Рассмотрена категория безличности как полевая структура. Прослежены закономерности заполнения позиции главного члена безличных предложений в связи с действием принципа функциональной эквивалентности. Выявлены направления развития поля безличности в современном русском языке.

Ключевые слова: функционально-грамматическое поле, центр, периферия, специализированные / неспециализированные репрезентанты.

The article deals with the analysis of the category of impersonality as the field structure. The regularities of the completion of the main part of the impersonal sentences position according to the action of functional equivalence have been traced. The directions of the impersonality field development in the modern Russian have been put up.

Keywords: functional-grammar field, centre, periphery, specialized and nonspecialized representations.

Последняя четверть века в русистике ознаменовалась не только продолжением дискуссии о том, есть ли в русском языке категория безличности (КБ) вообще (а если есть, то в чем ее специфика), но и активными поисками «конфигурации» данного феномена в языковом пространстве. С того времени, как в рамках функциональной грамматики началась интенсивная разработка функционально-семантических полей (ФСП), плодотворным стало осмысление безличности как фрагмента одного из лингвистических полей. Так, А. В. Бондарко ее формы относит «к крайней периферии персональности» [7, с. 23]. В. С. Храковский явления демиактивности предлагает рассматривать «как более частное подразделение внутри актива <...> а не между активом и пассивом» [там же, с. 139]. Е. В. Клобуков, анализируя характер соотношения центра и периферии ФСП персональности, выразил сомнение по поводу присутствия безличной формы глагола в сфере личного дейксиса и высказал предположение о том, что «безличные значения в рамках ономазиологически ориентированной грамматики могли бы рассматриваться как основание для выделения особого коммуникативно-прагматического поля» [1, с. 110].

Однако безличность по ряду важных критериев, бесспорно, принадлежит сфере функциональной грамматики и в этом плане небезынтересна как «катего-